становку: поэт — мессия, богочеловек. Искупительная жертва должна преобразить человечество; тем сильнее снижение этой темы в реплике «обыкновенного молодого человека».

За недостатком места других примеров из Маяковского мы приводить не будем.

Хлебников также не исходит непосредственно из ядерного образа. Регенерация в результате причастия телом и кровью Христа и его отправной пункт. Мессианская подстановка у него отсутствует (в других случаях Хлебникову не чужд мессианизм), он здесь «антилиричен» и как бы самоустраняется из стиховой структуры, стремясь создать новый эпос.

Тайной вечери глаз
Знает много Нева:
Здесь спасителей кровь
Причастилась вчера
С телом севера в черном булыжнике.
На ней пеплом любовь
И рабочих и умного книжника.

(Стр. 427).

У Хлебникова нет самого акта насыщения, но есть указание на него в символе тайной вечери — общем месте христианского искусства. Вообще смерть — новое рождение как насыщение у Хлебникова встречается гораздо реже, чем у Маяковского (например, в «Уструге Разина»). Любопытно, что в одном из литературных произведений известного художника Павла Филонова, друга Хлебникова и Маяковского, немало сделавшего для возрождения принципов древнерусской живописи, мы встречаем метафору точно такого же плана: «Мертвые живлены женскою грудью дойною».[21]

Древнерусская литература знала два побудительных импульса для использования образного мотива насыщения — грехопадение Адама и причастие. Соответственно насыщение могло вести как к «погибели», так и к «спасению».

Изложив евангельскую притчу о слепце и хромце, в том числе рассказав о вкушении плодов сада, который они стерегли, Кирилл Туровский продолжает: «Смотри же оного слѣпца с хромцемь, како ... приближися к древу, вкуси плода... и тако окрадоста, их же повелено има стрещи. Привод: того древа вкуси Каин..., того древа вкусиша сынове Корѣови... и пожре я земля. Того древа вкуси Или жрець, иже вѣдый своя сына безаконьствующа во иерѣиствѣ... Того древа вкусиша еретици, иже злохитрьемь аки вѣдуще душевный путь заблудиша и, не приимше покаяния, погибоша».[22] В данном случае, как и во многих других, христианская традиция изменила первооснову образного мотива «насыщение как знак смерти и нового рождения», оставив только однозначную смерть — духовную, а иногда и физическую.

Поскольку аскетизм и пост принадлежали к числу главных христианских добродетелей, не насыщение, а, наоборот, голод приобрел значение регенерирующего начала, возрождающего человека и убивающего зло: «Егда хощеть князь прияти град противных, то прежде отъемлють у них вод и брашна и си изнемогше от голода и жажди и предаються в руце его. Такоже хотя изгнати злые мысли от сердца своего, да предасть в пост, то злыя мысли ему престануть, а врага удобь посрамить, постящемуся звезда светла наясне, питающемуся мракомь покрываеться»

[21] [П.] Филонов. Проповень о проросли мировой. Пгр., (б. г.), стр. 4.
[22] И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского, стр. 344.